

І. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ГРАНИЦЫ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ, ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

МИГРАНТЫ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО: СИМВОЛИЧЕСКИЕ И РЕАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ В ГОРОДСКОМ И СЕЛЬСКОМ ПРОСТРАНСТВАХ

Авдашкин А.А.,

*Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск,
Российская Федерация*

Сегодня в российских гуманитарных науках активно развивается направление миграционных исследований. В центре внимания ученых оказываются трансграничные миграции, мобильность и оседлость различных групп населения, а также восприятие этой проблемы принимающим обществом. Неотъемлемым атрибутом присутствия иноэтничных мигрантов стали объекты их концентрации и активности, которые воспринимаются как вполне сложившиеся границы между «мы» и «они». В фокусе внимания ученых находятся т.н. «этнические» рынки [1; 6] и районы концентрации мигрантов в городском пространстве [2], заведения общественного питания [3; 4] и даже тепличные комплексы для выращивания овощей [5].

В последние годы в экспертной среде все чаще раздается вопрос о существовании или отсутствии в российских городах мест концентрации мигрантов, которые напрямую связаны с объектами хозяйственной деятельности. С одной стороны, в ряде научных исследований уже был получен отрицательный ответ на этот вопрос. При этом стоит признать, что пристальный интерес к «мигрантским кварталам» во многом подогревается публикациями в медиа. Так в массовом сознании закрепляются неверные представления о влиянии миграции на российское общество, «этнические» районы наносятся на когнитивные карты российских городов или даже сельской местности. В некоторых случаях обозначаются конкретные локации, где в обозримом будущем такие районы неизбежно должны возникнуть. Данная проблема уже получила определенное освещение в литературе. Однако мы еще не располагаем достаточным количеством случаев, в особенности городов-миллионников, чтобы достоверно судить о том существуют ли районы концентрации мигрантов, а если они есть, то какова логика их формирования и др.

Ниже мы кратко рассматриваем три показательных случая концентрации мигрантов в пространстве российских городов и пригородов (Челябинск, Екатеринбург и Иркутск). Первый случай посвящен процессам

формирования и развития «этнических» рынков, в данном случае «китайских», а также мигрантским сообществам вокруг них. На примере «китайских» рынков мы видим не только активизацию и затухание этнофобий, например страхи появления «чайнатаунов», но и отслеживаем связь между крупными рынками и появлением мест концентрации мигрантов в жилых массивах возле них.

Наличие рынка само по себе не означает того, что застройка вокруг него автоматически становится «мигрантской». Для этого, в первую очередь, необходимо совпадение многих факторов: достаточная вместимость самого рынка, схожее количество дешевого жилья вокруг него, отток местных жителей, отсутствие оттока мигрантского населения в другие части города после повышения уровня благополучия и др. [2, с. 239]. Все это оказывает прямое влияние на складывание «мигрантских кварталов».

Наши наблюдения в Челябинске и Екатеринбурге показали, что чаще здесь срабатывает доминирующий в обществе дискурс о многочисленности мигрантов. В его рамках «рынок» = «мигранты» = «мигранты образуют значительную долю населения рядом с рынком». Несмотря на свою очевидность, данная цепочка образуется далеко не всегда. В итоге мигрантское население распределено примерно в равной пропорции, образуя лишь незначительные очаги концентрации в тех местах, где совпали все необходимые условия.

Второй объект анализа – маршрутные такси. Это наиболее массовый и мобильный объект, где горожане регулярно контактируют с мигрантами. Несмотря на то, что проблеме маршруток в целом посвящен солидный объем литературы, мигрантский сегмент общественного транспорта крупных российских городов пока не становился объектом научных изысканий [8]. Пока мы можем констатировать, что материалы медиа о маршрутках составляют часть мигрантобоясненного дискурса. Его образуют представления о многочисленности мигрантов, их засилье в целых сферах российской экономики, высоком уровне опасности, исходящем от них (аварийность, нарушения правил дорожного движения и др.).

Третий кейс связан с активностью мигрантов в такой сфере как сельское хозяйство. Наиболее ярким примером здесь послужат т.н. «китайские теплицы» [5; 7]. Оптика восприятия данных объектов фокусировалась на комплексе угроз. Это – отравление и истощение почв, самозахват земель, массовое уклонение от уплаты налогов, продажа некачественной овощной продукции и создание условий для разорения местного крестьянства. Вне поля зрения большинства наблюдателей оставалась временность тепличных комплексов, отсутствие у них какой-либо инфраструктуры для жизни. Гораздо важнее в тех условиях оказалось поместить их в простую и понятную картину китайской экспансии. Это видение оказалось характерно для массового сознания населения, российских медиа и чиновников.

В этом смысле «китайские» теплицы служили возможным инструментом отторжения бескрайних российских просторов, основой для за-

рождения в будущем китайских поселений, а не временным явлением, которое исчезло столь же внезапно как и появилось. Хозяйственные объекты, имевшие непродолжительный жизненный цикл, рассматривались как вполне реальные альтернативы «чайнатаунов», но сегодня о них осталась лишь память [7; 9].

Рассмотренные нами примеры показывают, как и вокруг каких объектов складываются реальные и символические, воображаемые принимающей стороной, границы между российским обществом и мигрантами. Несмотря на то, что «этнические» рынки, общественный транспорт и тепличные комплексы действительно являются местом заметного сосредоточения мигрантской активности, масштабы их влияния на городское и сельское пространство, а так же наличие мест компактного расселения мигрантов вокруг них значительно преувеличиваются прессой и населением.

Литература

1. Авдашкин А.А. «Китайский» рынок в пространстве российского города (случай Челябинска) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2020. – № 2. – С. 147–156.
2. Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванов Н.С., Ермакова М.А. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. – 2020. – № 2(19). – С. 225–253.
3. Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтнических мигрантов в Москве // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – № 3(121). С. 104–114.
4. Гуляева Е.Ю. Что делает ресторан этническим? (на примере армянских ресторанов в Санкт-Петербурге) // Антропологический форум. – 2017. № 32. – С. 67–94.
5. Григоричев К.В. «Они есть, но их нет»: «китайские» теплицы в пространстве пригорода // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 4. – С. 137–153.
6. Григоричев К.В., Дятлов В.И. «Китайские» рынки России: роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска) // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. – С.121–132.
7. Иванов С. А. Китайский капитал как фактор этнизации городов и сел приморского края // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 5(37). – С. 120–127.
8. Ивлева В.И. Мигранты в сфере городского транспорта – “жизнь на колесах” // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2014. – № 3. – С. 208–217.
9. Рыжова Н.П. Земля и власть: различия в подходах к исследованию собственности (случай неформального землепользования китайских фермеров) // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. XVII. – № 5(76). – С. 7–35.